

том категориальном пространстве, в котором целесообразно объективировать психологические познавательные процедуры, модели, знаки. При этом понятно, что таких пространств будет не одно, а несколько; и только в этом случае можно поставить вопрос об интеграции таких пространств, о построении категориальных пространств более объемных, включающих другие. На онтологическом языке это — проблема так называемого целостного изучения психики (человека). Другими словами, *целостное изучение психики* (соответственно «общая психология», по Л. С. Выготскому) должно реализоваться не в одной дисциплине и не в плоскости объекта (тем самым мы не согласны с Л. С. Выготским и другими онтологами, как бы они свою онтологию ни называли — деятельность, установка, гештальт, бессознательное и т. д.), а в рамках научной коммуникации психологических дисциплин, стремящихся целостно изучать психику и человека.

Литература

1. Аристотель. О душе / Аристотель. — М., 1973.
2. Асмолов, А. Г. Психология личности / А. Г. Асмолов // Принципы общепсихологического анализа. — М., 2001.
3. Асмолов, А. Г. Личность / А. Г. Асмолов, Д. А. Леонтьев // Новая философская энциклопедия: В 4 т. — М., 2001. — Т. 2.
4. Выготский, Л. С. Исторический смысл психологического кризиса / Л. С. Выготский // Собр. соч.: В 6 т. — М., 1982. — Т. 1.
5. Давыдов, В. В. О перспективах теории деятельности / В. В. Давыдов // Вестн. МГУ. Сер. 14, Психология. — 1993. — № 2.
6. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. — М., 1972.
7. Розин, В. М. Семиотические исследования / В. М. Розин. — М., 2001.
8. Розин, В. М. Эзотерический мир / В. М. Розин. — М., 2002.
9. Рубинштейн, С. Л. Принцип творческой самостоятельности / С. Л. Рубинштейн // Учен. зап. высш. шк. г. Одессы, 1922 г. Т. 2 // Вопр. психологии. — 1986. — № 4.
10. Хьелл, Л. Теории личности / Л. Хьелл, Д. Зиглер. — М.; Л.; Харьков, 1997.
11. Хьюбнер, К. Истина мифа / К. Хьюбнер. — М., 1996.
12. Эртель, М. А. Древний Восток / М. А. Эртель // Очерки всеобщей истории. — М., 1910.

Асмолов А. Г.

Психоанализ самого себя

(Краткий ответ на полемическую статью В. М. Розина «Возможно ли целостное изучение личности?»¹)

Передо мной полемическая интеллигентная статья мастера методологии науки Вадима Розина «Возможен ли целостный анализ личности?». В этой статье автор, как и подобает методологу, спокойно анализирует текст и историко-культурный подтекст известного учебника Л. Хьелла, Д. Зиглера «Теории личности» (2001) и второго издания моей книги «Психология личности» (2001).

Эти две совершенно непохожие книги роднит стремление передать студентам (именно **студентам**) целостный образ психологии личности. Научная родословная Л. Хьелла и Д. Зиглера восходит к добротной позитивистской когнитивной психологии. Я же, какие бы превратности судьбы ни складывались, отнюдь, отнюдь и буду относить себя к культурно-деятельностной школе или культурно-исторической школе в психологии Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии.

Лев Семенович Выготский — мыслитель, воображаемые диалоги с которым помогают мне строить философию жизни. Алексей Николаевич Леонтьев и Александр Романович Лурия — мои прямые учителя, щедро поделившиеся со мной любовью к психологии не только как к науке, но и как к выбранной судьбе.

¹ ... или откровенный разговор о мотивах построения учебника А. Г. Асмолова «Психология личности».

Поэтому любая, даже самая доброжелательная, критика в их адрес ранит меня, как ранит сына даже справедливая, но все же критика его родителей. Не случайно моя первая самая непосредственная реакция на характеристику Вадима Розина теории деятельности А. Н. Леонтьева как непсихологической дисциплины и культурно-исторической психологии Л. С. Выготского как устарелой и т. п. была четко эмоциональной.

Но это только первое детское переживание на поверхности сознания. В действительности я, своеобразно памятуя об отпоре, данном А. Н. Леонтьевым «варягам», во-первых, еще раз хочу напомнить следующее его предостережение: «Вот уже почти столетие как мировая психология развивается в условиях кризиса ее методологии. Расколовшись в свое время на гуманитарную и естественно-научную, описательную и объяснительную, система психологических знаний дает все новые и новые трещины, в которых кажется исчезающим сам предмет психологии. Происходит его редукция, нередко прикрываемая необходимостью развивать междисциплинарные исследования. Порой даже раздаются голоса, открыто призывающие в психологию “варягов”: “придите и княжите нами”» (Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 3). Во-вторых, с благодарностью к «варягу» Вадиму Розину сказать: «...приходите и ... понимайте с нами».

И эта вторая реакция заставляет меня отказаться от банального ответа Вадиму Розину в стиле следующих высказываний: «Культурно-деятельностная школа в психологии — это не экспонат из музея, а переживающее свои взлеты и падения социально-научное движение...»

А. Н. Леонтьев избегал идею о “формовке” (формировании личности) как фабрике “сделанных голов”. Л. С. Выготский нигде и никогда не позиционировал себя как естественно-научный исследователь...» Но все эти ответы неосознанно подтверждали бы типичный сценарий обиженного сознания под названием «А ты кто такой?».

Другой же сценарий моей реакции, возникающей по законам культуры мышления Л. С. Выготского, побуждает меня, отвечая Вадиму Розину «...не предаваться удивлению, не смеяться, не плакать — но понимать» (Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968. С. 18).

Понимать, что, работая пятнадцать лет назад над построением («построением» в смысле *Н. А. Бернштейна*) учебника «Психология личности», я, как и мои учителя, считал монизм в науке идеалом познания. Монизм же в его жесткой или мягкой форме всегда порождает установку на целостную единственную картину реальности... целостную картину человека, целостную картину мышления, целостную картину личности и т. п. Если мы как психологи проанализируем природу любого монизма, то поймем, что за *монизмом протупает нормальный эгоцентризм познания*. И такой этап эгоцентризма проходит не только детское мышление, описанное Ж. Пиаже и Л. Выготским, но и научное познание.

Установка на монизм, усиленная дидактической установкой на построение именно учебника по психологии личности (а не монографии) и неосознаваемой личной мотивацией «объять необъятное», и определила мое стремление к целостному анализу личности.

Означают ли мои откровения, что я отказываюсь от целостного анализа личности? Нет, и еще раз нет.

На смену монизму Ньютона пришли релятивизм Эйнштейна и неклассическая физика Бора. Разве они не дали более целостную картину реальности? Разве А. Эйнштейн не мечтал о единой теории поля? Разве блестящий психолог Лев Веккер в конце жизни не удивил всех работой «Психика и реальность: **единая** теория психических процессов» (1998) (выделено мной. — А. А.). Мотив к целостному видению мира всегда будет «жизненным порывом» (*А. Бергсон*) исследователей, которые стремятся к пониманию возникновения, развития и распада сложных систем — психики, личности, культуры, цивилизации и т. п. И именно этот мотив при всей его наглости стоит за построением психологии личности как *единства разнообразия*.

И этот же мотив побуждает действовать поверх тех барьеров и стереотипов мышления, которые мне в очередной раз помогла увидеть статья Вадима Розина. Там, где Вадим Розин видит постулат, я, следуя логике Л. С. Выготского, вижу проблему, требующую решения и в психологии личности, и в психологии в целом.

Так, для меня оппозиция «гуманитарные науки (подходы) — естественно-научные подходы», принимаемая Вадимом Розиным, является мнимой оппозицией классического в смысле М. К. Мамардашвили мышления. И весь историко-эволюционный подход в психологии личности даже сочетанием в самом начале исследования миров «истории» и «эволюции» бросает вызов картинам психологии, культурологии, биологии, в которых «социальные законы развития» в одной плоскости, «естественные» — в другой, «психологические» — в третьей, а взаимоотношения между ними отвечают классическим представлениям о параллельных прямых Эвклида.

Аналогичным образом дело обстоит и еще с одной принимаемой Вадимом Розиным оппозицией «номотетический подход» — «идеографический подход». Эта оппозиция между «типичным» и «уникальным» в психологии личности только расширяет опасную пропасть между общей психологией личности и дифференциальной психологией индивидуальности. Вначале неосознанно, а затем осознанно я пытался в книге «Психология личности» прорваться через стереотип противопоставления «номотетической» объяснительной психологии и «идеографической» понимающей психологии. Завершена ли в книге эта попытка? Конечно, нет. Но этот мотив, еще более окрепший благодаря идеям Д. Б. Эльконина о неклассической психологии, и в будущем будет придавать смысл поискам в психологии личности.

И, конечно же, сегодня я без горечи повторю слова Ф. Brentano, что нет одной психологии, а есть множество психологий. И это множество выступает в соответствии с принципом толерантности как гармония разнообразия. И это множество психологии есть норма неклассической научной картины мира, той целостной картины (своего рода развивающегося гештальта), к которой мы движемся, порождая мифологии в психологии, да и в реальности уже родившегося XXI в.

Толочек В. А.

«Квазидиагностика» и проблемы целостного изучения человека¹

Мы все более специализируемся
не по наукам, а по проблемам.

В. И. Вернадский

В условиях динамичного развития современного общества в системе гуманитарных знаний объективно возникают новые проблемы познания особенностей развития общества и возрастает актуальность целостного изучения человека. Развитие же самих гуманитарных наук предопределяет многоплановые задачи их внутренней и междисциплинарной интеграции (методологии, методических средств), возможности и ограничения в использовании традиционной, «классической» методологии и методического инструментария, соответствующие особенности организации исследования, характер деятельности отдельного ученого и научных коллективов.

Масштабное комплексное исследование развития психических функций человека под руководством Б. Г. Ананьева [2; 3] до сих пор остается едва ли не единственным прецедентом в отечественной психологии. Уже это обстоятельство и, прежде всего, сам фактор времени и произошедшие изменения условий функционирования общества выступают достаточно серьезными основанием для более широкого обсуждения и осмысления вопросов орга-

¹ Исследование поддержано грантом Российского гуманитарного научного фонда № 03-06-00374а.